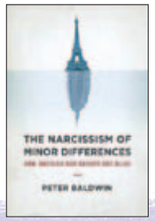
Семейные сходства

Майкл Манн

Michael Mann. Family Resemblances // *New Left Review*. 2010. May–June. No. 63. P. 141–149. Перевод с английского Кирилла Мартынова



Peter Baldwin. *The Narcissism of Minor Differences: How America and Europe are Alike*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 321 p.

Питер Болдуин. Нарциссизм малых различий: в чем похожи Америка и Европа

Понятие «американской исключительности» указывает на предполагаемую уникальность США в мире. Этот термин может рассматриваться позитивно, как это происходит в текстах многих американских консерваторов и либералов, или же негативно — в критических отзывах, которые, как правило, формулируются иностранцами, особенно левыми, а также сторонниками культурного элитаризма. Независимо от количества атак, которым подвергается эта риторическая фигура, она то и дело всплывает в самых различных спорах. Хотя теоретически сравнивать США и другие страны следовало бы в масштабах всего мира, на практике такие сравнения фокусируются на предполагаемых различиях между США и Западной Европой. В своей работе «Нарциссизм малых отличий» Питер Болдуин присоединяется к давней американской традиции ответных нападок на иностранных критиков его страны. Болдуин ссылается не столько на специалистов в области общественных наук, сколько на журналистов и политиков, в особенности на пишущих в левоцентристские газеты и журналы, такие как *The Guardian*, *Le Monde*, *Der Spiegel* и *Tageszeitung*, а также на авторов вроде Уилла Хаттона и Эммануэля Тодда с примкнувшим к ним режиссером Ларсом фон Триером, который снимает резкие критические фильмы о США, хотя никогда в них не был. Атака этих авторов обращена на то, что бывший министр иностранных дел Великобритании Робин Кук назвал в 2004 году «диким американским капитализмом». Используем резюме Болдуина: такие критики изображают Америку в качестве «грубой, подчиненной рынку, криминализированной, жестокой, эгоистичной и развязной».

Болдуин не занимается перечислением позитивных американских представлений о собственной уникальности или же цитированием серьезных европейских компаративистских исследований, посвященных различиям. Автор заявлет, что его предмет — это «распространенное восприятие различий между сторонами Атлантики и способы, при помощи которых это восприятие проникает в обычную прессу». Разумеется, в таком подходе нет ничего плохого. Журналисты, вероятно, важнее ученых, а подобные стереотипы действительно широко распространены. В 2002–2003 годах, читая лекции, посвященные критике внешней политики администрации Буша, в разных частях Европы, я зачастую с удивлением для себя был вынужден защищать Америку перед лицом этих предрассудков.

Контратака Болдуина строится очень просто. Его книга состоит из 212 диаграмм и графиков (буквально на каждой странице!), а также комментариев к ним. Все схемы имеют одинаково простой для восприятия формат, что делает кристально ясным сравнение результатов США и от 8 до 18 европейских стран по критериям, относящимся к экономике, государственной поддержке граждан, неравенству, уровню преступности, образованию, экологии, расовых предрассудков, состоянию религии и науки и т. п. Общий аргумент автора состоит в том, что лишь в редких случаях США находится на этих графиках среди лидеров или отстающих, а там где это и происходит, показатели страны все равно не выходят «за грань». Обычно американские результаты вполне сопоставимы с теми, что показывают государства Европы. Отсюда Болдуин делает два вывода: во-первых, США не является исключением, а во-вторых, Европа не может считаться «единым и неделимым континентом», поскольку спектр различий между странами здесь гораздо шире, чем мы обычно себе представляем. Так что «либо уникальной идентичности страны не существует вовсе, либо (если таковая все-таки имеется) США могут быть в той же мере признаны европейской страной, как и все обычные кандидаты». В качестве ответа на журналистские упрощения этот вывод может быть принят. Однако если рассматривать тезис автора как утверждение сравнительной социологии, то он оказывается не слишком глубоким.

Болдуин, конечно, прав в том отношении, что, поскольку в Западной Европе есть страны, стоящие примерно на том же уровне развития, что и США, то они тривиальным образом будут похожи друг на друга больше, чем другие страны мира. С точки зрения Танзании или Китая, они должны выглядеть почти неотличимыми. Однако отсюда следует, что менее развитые страны Европы, особенно Греция и Португалия, будут зачастую отличаться от них очень сильно. И этого Болдуин как раз не признает. Неоднократно повторенное им заявление о том, что США лежат «в рамках европейского диапазона» теряет смысл, если обсуждаемые показатели варьируются относительно уровня развития, причем те, которые больше всего соответствуют США сопоставимы с наименее развитыми из европейских стран. Кроме того, Болдуин задает для исключительности очень высокую планку. Если речь идет о статистике по 12–18 странам, то вполне вероятно, что одна или две из них превзойдет США, даже если этого не сделают все остальные. Наиболее очевидными примерами тут являются Исландия и Люксембург, население которых настолько мало, что, как мы увидим, по некоторым показателям они могут отличаться от остальных стран очень сильно.

Помимо статистики по национальным государствам Болдуин то тут, то там вставляет графики, включающие в себя данные по отдельным штатам США, мотивируя это тем, что эти штаты сопоставимы по размерам с некоторыми европейскими странами. Однако очевидно, что в действительности он делает это ради результатов, поскольку они демонстрируют, что такие штаты, как Миссисипи, могут соответствовать европейским стереотипам, в то время как штаты вроде Массачуссетса этого не делают — последние находятся между наиболее успешными европейскими странами. Неудивительно, что это происходит в тех областях, которые регулируются властями штата, а не федеральным правительством, например, в отношении однополых браков или минимальной заработной платы, но это верно и в отношении двух других критериев, средней продолжительности жизни и количества убийств на тысячу населения (но не в отношении числа заключенных). Между регионами европейских стран также существуют различия, однако поскольку Болдуин не приводит этих данных, мы не можем провести соответствующее сравнение, так что эти диаграммы в итоге имеют мало отношения к его главному аргументу.

Каковы результаты Болдуина? На одной из диаграмм можно найти страну, которая почти в четыре раза опережает все остальные государства по числу заключенных на душу населения. Нетрудно догадаться, что речь идет о США. Нетрудно также догадаться, что именно в этой стране число убийств почти в два раза выше, чем у второго государства в списке. США является единственным государством из перечисленных Болдуином, которое все еще использует смертную казнь, и преступники могут в течение многих лет ожидать своей судьбы в печально известных «списках смертников». Однако, как демонстрирует Болдуин в нескольких диаграммах, относительно менее серьезных преступлений США вполне укладывается в европейский диапазон. Так что в США нет более высокого уровня преступности, просто местные преступники совершают более тяжкие преступления, а правительство в свою очередь отвечает им более жестко. Но такой уровень обоюдного насилия с обоих сторон, похоже, в общем-то соответствует негативному европейскому стереотипу.

Данные по экономике и социальному неравенству также являются важны для того стереотипа капитализма, с которым сражается Болдуин. Используемая им статистика показывает, что в США действительно самый низкий уровень социальной защиты работников, как указывают критики, но при этом лишь немногим более низкий, чем в Дании и Великобритании. Уволить сотрудника легко, но лишь немногим легче, чем в Соединенном Королевстве. На самом деле пять других лидеров, включая Великобританию и Швейцарию, не слишком отличаются по этому показателю от США. США имеет высокие показатели уровня «экономической свободы» (в том виде, как ее измеряют в Институте Фрезера, радикально либертарианском think-tank, расположенном в Альберте). Впереди лишь Швейцария и Великобритания, а США имеет более низкий уровень государственного контроля за предпринимательской деятельностью, чем все остальные страны, за исключением Исландии. Это соответствует описанию США как «неолиберального» государства, хотя, возможно, оно в этом не одиноко. В свете последних событий мы могли бы еще добавить, что США имеет самый крупный и наряду с Великобританией наименее регулируемый финансовый сектор. Вся эта статистика, похоже, подтверждает представление о США как о стране победившего капитализма. С другой стороны, различные показатели, относящиеся к сфере налогообложения, представленные Болдуином, помещают США в середину диапазона. Два из основных налогов этой страны являются относительно прогрессивными. Доля налогов, уплачиваемых 10% наиболее богатых и уровень корпоративного налогообложения являются самыми высокими из всех стран. Эти результаты вряд ли можно назвать признаками «дикого капитализма» или исключительности.

Однако эти данные ставят перед нами множество проблем. Во-первых, Швейцария зачастую сопровождает США в экономических крайностях последних. Разумеется, немногие европейцы или американцы стали бы ассоциировать Швейцарию с социал-демократией или государственным регулированием. Скорее речь бы шла о «цюрихских гномах» или тайных банковских счетах. И действительно, в одной из гистограмм Болдуина, демонстрирующей число миллиардеров на душу населения, Швейцария далеко опережает всех остальных. В ней живет в два раза больше миллиардеров, чем в США, которые находятся на втором месте. За ними следует Ирландия и Великобритания. В общем, Швей-

Мигель Тускеллас. Ormesson-Sur-Marne. 1949

цария выглядит более исключительной, чем США. Это интересный вывод, но он не имеет отношения к нашей основной теме.

Пожалуй, более важно то, что Великобритания, как и Ирландия, регулярно соседствуют с США в диаграммах. Это обозначает проблему, которая разрушает простое деление на Америку и Европу, принятое участниками спора с обеих сторон. Давайте вспомним оригинальную формулировку тезиса об американской исключительности, который был ясно обозначен в знаменитом названии работы Вернера Зомбарта «Почему в Америке нет социализма?» (1906). Этот вопрос был сформулирован очень по-немецки. Зомбарт противопоставлял Америку, где социализма не было, своей родине, где он был весьма популярен. Однако исключением в данном случае была именно Германия, а не США. Ни одна страна в мире в то время не имела такой большой марксистской партии и таких влиятельных марксистских профсоюзов. Другие страны — Швеция, Дания и Австрия — позднее выработали более мягкую версию этих организаций, но сравнивать их с США было бы некорректно. Поскольку Северная Америка изначально была заселена в основном выходцами с Британских островов, мы могли бы ожидать большего культурного и институционального сходства ее жителей с британцами и ирландцами, чем с немцами или скандинавами. Мы могли бы также рассчитывать на еще более значительные сходства с Австралией, Новой Зеландией и Канадой, которые все являются англоязычными (за исключением Квебека) либеральными государствами, созданными переселенцами. В англоговорящих странах никто не видел особого социализма, а рабочие движения в них явно отвергали марксизм. США не были исключением в своем отказе от социализма, если мы будем сравнивать их с похожими государствами.

В последние годы исследователи предложили различать две или даже больше «разновидности капитализма» и «системы благосостояния». В качестве одной из этих разновидностей и одного из таких режимов всегда указывают англоязычные страны — США, Великобританию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и, в последнее время, Ирландию. Они «исключительны», но в качестве группы. Их «либеральная рыночная экономика» допускает меньшую степень государственного вмешательства в рыночные отношения, а их «либеральный режим благосостояния» не столь сильно декоммодифицируют экономические жизненные цели, которые ставят перед собой индивиды, поскольку в них вырабатываются ограниченные государства всеобщего благосостояния, где помощь оказывается лишь беднейшим слоям населения. В заключении Болдуин кратко упоминает литературу, но лишь для того, чтобы продемонстрировать, что существует огромное количество разногласий в отношении принципов классификации стран. Он отказывается признавать, что внутри Европы могут быть различные группы. Однако таксономические споры касаются лишь стран континентальной Европы, в частности вопроса о том, расходятся ли в последние годы средиземноморские государства с государствами северной части континента, между которыми также существуют серьезные различия. При этом существует широкий консенсус относительно того, что либеральные или англоязычные страны представляют собой группу, которая к тому же в последние годы становится более гомогенной, поскольку изначально отличная австралийская и новозеландская система «рабочего благосостояния» рухнула в 1990-х и 2000-х, а администрации Тэтчер/ Рейгана и Блэра/Клинтона начали сближение в рамках более неолиберального пути развития. Так что, как скажет вам любой французский политик, Великобритания и Ирландия не столько европейские, сколько англосаксонские страны. Америка оказывается внутри европейского диапазона исключительно благодаря своим связям с англосаксонскими друзьями и родственниками.

Англоязычные страны не всегда были такими. Неравенство в развитых странах является результатом трех самостоятельных наборов институтов: рынка труда, налоговой системы и системы перераспределения в рамках государства благосостояния. До 1960-х годов общий уровень неравенства в англоязычных странах (измеренный при помощи коэффициента Джини) был средним для Северной Европы, т. е. в то время доходы в них были одними из самых равномерных в мире. Отчасти это было связано с тем, что Великобритания была пионером в создании системы социальной защиты населения, но главная причина заключалась в соответствующей системе налогообложения, наиболее прогрессивной шкалы подоходного налога и налога на богатство (в основном из-за мировых войн). В течение первой половины века либерализм в этих странах был сильно разбавлен рабочей традицией. Хотя США изначально значительно отставали, они во многом вступили в реальность государства благосостояния благодаря Новому курсу Рузвельта и системы налогообложения во время Второй мировой войны. Однако после 1950 года темпы развития систем социальной защиты в англоязычных странах серьезно замедлились, если не принимать во внимание непродолжительный период «Великого общества» президента Джонсона и канадские эксперименты, отклоняющиеся от англосаксонской нормы. Скандинавские страны, а затем и другие государства континентальной Европы, напротив, развивали более масштабные системы социальной защиты, заплатив за него увеличением товарооборота и социальными налогами, которые были скорее регрессивными. Тем не менее общий уровень неравенства в Скандинавии и континентальной Европе упал ниже уровней англоговорящих стран в 1960-х и 1980-х годах, в силу нарастания разрыва в развитии систем социальной защиты.

Затем последовали регрессивные налоговые реформы Тэтчер, Рейгана и Буша-младшего. В целом, как показывают графики Болдуина, они оставили англосаксонскую систему налогообложения прогрессивной. Однако она оказывается недостаточно прогрессивной для того, чтобы компенсировать сокращение системы социальной защиты и увеличение разрыва в уровнях оплаты труда. Англоязычное неравенство сильно выросло в 1990-х и 2000-х, когда режимы благосостояния других государств претерпели лишь незначительные изменения. Это особенно бросается в глаза при взгляде на вершину шкалы доходов. Статистика, представленная в работе Энтони Аткинсона и Томаса Пиккети «Доходы наиболее богатой части населения в XX веке» (2007), исходящая из сравнения доходов богатейшего одного процента граждан с доходами остального населения, демонстрирует, что к 1950 году неравенство сокращалось. Однако после 1970 года случилось «великое расхождение», т. е. ситуация в континентальной Европе осталась без изменений, в то время как в англоязычных странах и особенно в США уровень неравенства значительно вырос. Это произошло в основном в силу изменения в структуре доходов, а не богатства как такового, но общий уровень неравенства среди населения демонстрирует ту же тенденцию. Согласно статистике «Международной организации труда» (ILO), в 2005 году коэффициент Джини в США в два раза превысил коэффициенты нескольких скандинавских стран, причем показатели Великобритании не слишком уступали скандинавским. Так что мы должны быть осторожными, когда помещаем отдельные статистические показатели в более широкий контекст. Мой общий вывод не сходится ни с Болдуином, ни с европейцами, которых он критикует. В отношении неравенства англоязычные страны не были чем-то исключительным в прошлом, однако сегодня они (и в особенности США) могут быть действительно названы исключением, если сравнивать их с континентальной Западной Европой.

Пожалуй, анализ всех 212 диаграмм и графиков было бы непосильной задачей. Однако с некоторыми данными Болдуина возникают очевидные проблемы. Примером может служить обсуждение автором двух аспектов прогрессивной системы американского налогообложения. Речь идет о 10% налогоплательщиков с наиболее высоким уровнем дохода и корпоративных налогах. Несмотря на снижение индивидуальных налогов для самых богатых, в качестве группы богатые платят больше налогов, поскольку более низкие налоги означают увеличение числа богатых. Богатые платят больше налогов, потому что они зарабатывают больше денег. Несмотря на то что количество богатых в обществе не превышает 10%, поскольку неравенство в США в последние года нарастало, богатые богатели, и их стало больше. Данные по корпоративным налогам более сложные. Болдуин утверждает, что существует «Средняя эффективная ставка налогов на корпоративный капитал», ссылаясь на статистику Организации экономического сотрудничества и развития (*OECD in Figures*, p. 58–59). Однако в этом источнике фигурируют лишь «Наивысшие ставки налогов на доходы корпораций». Впрочем, все американские ставки корпоративных налогов являются скорее умозрительными, поскольку существует огромное количество налоговых льгот, получаемых корпорациями в результате лоббистской деятельности. Исследование, проведенное в 2003 году Робертом Макинтайром и Т. Д. Ку Нгуйеном и посвященное «Налогам на прибыль корпораций в эпоху Буша», констатировало, что номинальная средняя ставка налога составляла 35%, что близко к 39%, на которые для 2004 года ссылаются ОЭСР и Болдуин, однако почти все компании пользовались налоговыми каникулами, что снижало реальную среднюю ставку до 17%. Более низкие корпоративные налоги существуют лишь в Ирландии, что делает США (и другие англоязычные страны) исключением в прямо противоположном смысле по сравнению с тем, о котором пишет Болдуин. Если предположить, что другие страны тоже идут на щедрые уступки своим кор-

порациям, то, вероятно, эту диаграмму лучше вообще не принимать во внимание. Болдуин прав, когда он утверждает, что американская налоговая система все еще остается относительно прогрессивной. Но все перевешивают два других ключевых компонента доходов: разница в рыночной оплате труда и трансферы в системе социальной защиты.

Усомниться можно и в том, как Болдуин анализирует три проблемы, принимающие угрожающие размеры в контексте негативных стереотипов иностранцев: речь идет об изменении климата, военной активности США и здравоохранении. Болдуин представляет большое количество диаграмм, посвященных экологическим вопросам. Среди них диаграммы лесного покрытия, чистоты воздуха, состава сточных вод, степени загрязнения водоемов органическими отходами, потребления электричества, нефти и солнечной энергии и т. д. Они указывают на то, что экологические показатели Америки хотя и существенно варьируются, но всегда остаются в европейском диапазоне. Я бы добавил к этому, что в 1970-х годах экологическое законодательство и соответствующие практики в США были более развитыми, чем в большинстве европейских стран. Набор графиков Болдуина призван опровергнуть представление о том, что американский «дикий капитализм» является главным препятствием на пути создания устойчивой глобальной среды. Однако главная экологическая проблема, угрожающая миру, — это изменение климата, «глобальное потепление» как следствие выбросов в атмосферу парниковых газов (ПГ). Болдуин дает здесь лишь два не слишком детализированных показателя — выбросы оксида серы и углекислый газ, который производится транспортом, хотя он также отслеживает изменения в выбросах ПГ за период с 1990 по 2003 годы. По всем трем параметрам США либо приближаются к среднеевропейским показателям, либо немного превосходят их. Получается, что США улучшили свои показатели за указанный период. Однако Болдуин не дает статистику общего уровня выбросов ПГ на душу населения или уровень выбросов углекислого газа, который удобно подсчитывать, т. е. центрального критерия климатических изменений.

А здесь США далеко опережают остальные крупные страны за исключением Австралии. Тот же самый доклад ОЭСР, упомянутый выше, который цитируется Болдуином, также предлагает статистику о выбросах углекислого газа на душу населения в 2005 году. Среди стран, которые включены в исследование Болдуина, первое место тут занимает Люксембург, выбросы которого чрезвычайно высоки, за ним следуют США, опережая все остальные европейские страны более чем в два раза. Конкуренцию США могут составить лишь Австралия и, может быть, Канада (в этом контексте я бы не стал сводить схожесть между этими странами исключительно к либерализму: они добывают огромное количество полезных ископаемых, загрязняющих планету).

США является одним из главных препятствий для сокращения выбросов ПГ, и их показатели здесь до сегодняшнего дня были значительно хуже, чем у стран — членов ЕС. В этом вопросе в Европе даже нет англосаксонского троянского коня, потому что Великобритания также демонстрирует значительно лучшие показатели, чем США. На Копенгагенской конференции по климатическим изменениям в декабре 2009 года США (вместе с Китаем) блокировали любые попытки прийти к конкретным договоренностям и в частности пресекли попытку европейцев лидировать в вопросах экологии. Более того, крайне поляризированная, консервативная политическая система США, о которой Болдуин ничего не говорит, не позволяет надеяться на какие-то изменения в этом вопросе. Разве что случится какой-то крупный технологический прорыв, который приведет к значительному снижению выбросов газов (но дела при этом мы будем вести по-прежнему). Лишь немногие экологи верят в то, что такой поворот событий возможен.

Военные вопросы затрагиваются у Болдуина очень кратко, хотя они чрезвычайно важны для стереотипа хищника, сложившегося в отношении Америки. В книге есть всего две диаграммы на этот счет. Одна посвящена военным расходам в процентах от ВВП, и здесь США идет на втором месте после Греции (!), далеко опережая при этом следующие две страны, Францию и Великобританию, европейские ядерные державы. Вторая диаграмма демонстрирует величину вооруженных сил по отношению к общей численности населения. США тут посередине, вместе с Великобританией, намного выигрывая у Франции. На первом месте находятся Финляндия и Греция. Можно ли считать эти критерии адекватными для оценки относительной военной мощи? Болдуин признает, что «сила и расходы на вооруженные силы США действительно несравненно велики», но тут же добавляет, что они не «целиком выходят за европейский диапазон». «Еще как выходит», — ответили бы мы. У США есть более пяти тысяч ядерных боеголовок, огромное количество кораблей и самолетов, семь тысяч беспилотников *Predator*, и все эти блестящие возможности для убийства, совокупные военные расходы, составляющие сегодня 48% от общемировых, масштабы военной интервенции в третьи страны — они бесконечно превосходят все, что могут предложить европейцы или кто-либо еще. Болдуину стоило бы подойти к своей задаче более тривиально, и тогда он непременно обнаружил бы, что США является единственной сверхдержавой и наиболее исключительной из всех стран в этом отношении.

Американская система здравоохранения также регулярно является мишенью для иностранных критиков. И снова Болдуин возражает им при помощи серии диаграмм, на одних из которых США выглядит достаточно хорошо, а на других хуже. Америка лидирует по уровню заболевания раком, а ее граждане чаще других страдают лишним весом. С другой стороны, американская женщина, заболевшая раком груди, имеет значительно более высокие шансы на долгую жизнь, чем жительница любой другой страны. Правда это скорее всего, следствие погрешности в статистике: в США регулярно проводятся маммологические рентгеновские обследования, которые, как теперь считают специалисты, очень часто дают ложные позитивные результаты, так что это выживание обследованных женщин влияет на общие показатели выживаемости. Тревожнее то, что США имеет самый высокий уровень детской смертности по сравнению с Великобританией, Ирландией, Люксембургом и Австрией. Средняя продолжительность жизни американских мужчин и женщин одна из самых низких среди стран, анализирующихся в книге, хотя Болдуин утверждает, что этот показатель находится «в европейском диапазоне». Как бы то ни было, это очень плохая статистика, если учесть, что медицинские расходы на душу населения в США более чем на 50% выше, чем в любой другой стране мира. Уникальная комбинация коммерческого здравоохранения, огромного частного сектора страхования и бюрократии, сидящей в больницах, а также терпимости к чрезвычайно высоким ценам на лекарства и заоблачным прибылям в фармакологии делает американскую медицину всего лишь одной из многочисленных арен, на которой корпорации сражаются за прибыль. Она неэффективна и несправедлива. И определенно является исключением.

Болдуин делает здесь еще одно замечание, стараясь тщательно подбирать слова. Он указывает, что в таких областях, как здравоохранение, правопорядок и образование, исключение афроамериканской части населения из статистики приводит к значительному улучшению показателей США. Он не предлагает нам заняться соответствующими расчетами, но жалуется на то, что последствия рабовладения и сегрегации все еще оказывают определенный эффект на современное общество. Он также замечает, что низкий уровень культурной гомогенности в США является одной из причин того, что механизмы социальной защиты для всего населения развиты в этой стране слабо. Скорее всего, он прав. Сравнительные исследования демонстрируют, что этнорелигиозная гомогенность позитивно влияет на размеры социальной помощи. Разумеется, здесь есть свои исключения, одним из которых является Великобритания. Болдуин коротко останавливается на обсуждении тезиса, популярного у европейских ученых: последние волны мультиэтнической эмиграции в Европе могут привести к снижению различий между системами благосостояния ЕС и Америки. Возможно, так и будет.

С другой стороны, достаточно странно, что Болдуин не попытался найти больше положительных сторон американской мультиэтничности. Он предлагает лишь три диаграммы. Автор, кажется, сам удивлен данными, демонстрирующими, что США уступает Швейцарии и Люксембургу по числу жителей, рожденных за пределами страны. Две другие схемы показывают, что в США наименьший разрыв в оценках по математике для школьников, рожденных внутри страны и за ее пределами, а разрыв в оценках по чтению ставит США на второе место после Швеции. Но почему Болдуин не атаковал тех лицемерных европейцев, социальные государства которых зачастую исключают эмигрантов, и чьи избиратели следуют худшим американским историческим образцам, голосуя за крипторасистов?

У Америки есть и другие позитивные особенности. США лидируют в области расходов на образование на душу населения. Особенно это касается университетов, доминирующих в современном мире и определенно являющихся исключительными. Америка также лидирует по числу зарегистрированных патентов и по продажам книг. Она неожиданно лишь пятая (из десяти стран, по которым есть статистика) по числу нобелевских лауреатов на душу населения, но в абсолютных значениях она лидирует и здесь, и, думаю, она также пригласила на работу изрядное число лауреатов-иностранцев (Болдуин не приводит этих данных). Эта статистика была бы более уместной для оценки научного потенциала страны. Более того, часть мультиэтнического преимущества связана с тем, что когда в стране не хватает собственных инженерных и научных кадров, она может импортировать их в практически неограниченных количествах. Удивительно и то, что Болдуин не представил информации об американской культурной гегемонии — в кино, на телевидении, в области общественного питания и так далее. Тут автор определенно мог бы уместно иронизировать над европейскими культурными снобами, противопоставляя их заявления реальным вкусам населения Европы.

Но в книге, пожалуй, и так достаточно диаграмм. Несмотря на всю критику, она является богатым источником сравнительной информации, и ее можно рекомендовать всем любителям рейтингов, а еще тем, кто хочет сравнить показатели своей страны с другими странами или оценить разнообразие социальных практик. Диаграммы всегда интересны, а иногда и забавны. Вот, например, вы знали, что американцы заявляют, что у них был секс втроем, реже одних только исландцев? Или что они признаются в гомосексуальном опыте так же часто, как ирландцы, но опережают в этом британцев? Несмотря на стереотип, навязанный телевидением (а американцы и британцы лидеры по просмотру телевизора), пластическая хирургия не так уж распространена в США: тут на первом месте Швейцария, а на последнем — Великобритания. США является страной относительных трезвенников, а лидерами в потреблении алкоголя снова становятся швейцарцы, которые пьют больше всех. Франция, разумеется, лидирует по уровню потребления «благородных вин» (и сыров, добавили бы французы), но США тут на чистом втором месте (по крайней мере, это следует из расчетов известного американского ценителя вин Роберта Паркера). Примечательно, что американский феминизм развивается неравномерно: американские женщины опережают европейских по числу занимаемых ими высших официальных должностей и позиций топ-менеджеров, но уступают им (за исключением Италии и наименее развитых в экономическом отношении стран) по участию в парламентской деятельности.

У Америки есть множество достоинств и множество причуд. Однако, похоже, она также соответствует критериям «дикого капитализма» — безумной жажды прибыли, сокращения систем социальной защиты, увеличения неравенства, насилия как со стороны преступников, так и со стороны государства, как внутри страны, так и за ее пределами. Пристальный взгляд на США даже после всех диаграмм Болдуина легко находит в этой стране дикий капитализм и милитаризм. Я не думаю, что Америка действительно является чем-то исключительным, потому что в Европе тоже существуют англоязычные троянские кони. Я предпочитаю науку журналистике, в особенности негативным отзывам тех авторов, кто никогда не был в США. Хотя я ценю исследовательские усилия Болдуина, я не думаю, что он в итоге добивается своей цели. Разве что в отношении самых примитивных из своих оппонентов. ■